

М. Г. АТАМАНОВ (Ижевск)

ЕЩЕ РАЗ О ПРОИСХОЖДЕНИИ УДМУРТСКОГО *ВОРШУДА*

Abstract. Udmurt patronymic groups appeared within the *voršud* unities in the period of developed patriarchal-tribal system (patriarchy), whereas *voršud* organization reached its peak in the period of matriarchal-tribal system (matriarchy). During the historical development and under the auspicious conditions there were organized hundreds of patronymic groups within every *voršud* unity, for example: *исъкавын, ббляк, бече, улы, насиль* and so on.
Keywords: Udmurt, *voršud* names, patronymic names.

Инспирацией для написания данной статьи послужила работа В. С. Чуракова (2005).

Проблема происхождения *воршуда* и всей воршудно-родовой организации удмуртов является уникальной, ибо не только в среде финно-угорских, но и других народов Европы, подобного феномена к исторически известному времени не сохранилось. Науке известны, а мне, автору этих строк, в полевых условиях удалось выявить, выяснить, проверить фонетические варианты названий всех 70 воршудно-родовых групп удмуртов, районы и населенные пункты их расселения.

О *воршудах* — родовых божествах, хранителях семейно-родового счастья — и связанных с ними обрядах имеется обширная литература, начиная уже с конца XVIII в. Практически каждый исследователь удмуртов в той или иной степени касается проблемы происхождения воршудов: Н. П. Рычков, Г. Ф. Миллер, Б. Гаврилов, М. Бух, Н. Г. Первухин, П. Н. Богаевский, Г. Е. Верещагин, И. Н. Смирнов, У. Харва (Хольмберг), А. Хмяляйнен, М. Г. Худяков, П. Н. Луппов, В. Н. Харузина, Д. К. Зеленин, М. О. Косвен, В. Е. Владыкин, М. Г. Атаманов и многие другие.

Усилиями ученых разных поколений установлено, что *воршуд* — сложное историческое образование удмуртов, их близких и далеких предков по финно-угорскому, шире — уральскому этноязыковому сообществу; *воршуд* — это не просто удмуртское собственное имя по названию рода, но и название (имя) языческого божества, родового гения, хранительницы семейно-родового счастья и благополучия.

Основательница рода, впоследствии возведенная в ранг языческого божества — *воршуда*, своим именем продолжает название рода.

Удмуртский воршуд отражает практически все стороны бытия удмуртского общества на различных этапах его развития, начиная с эпохи тотемизма и вплоть до исторически примыкающего к нам времени. С изменением социально-экономических отношений менялась и сущность воршуда. Постепенно он превратился в социально-культурное объединение, сохраняя свое значение лишь в религиозной обрядности вплоть до 30-х годов XX столетия, а в отдельных регионах до начала XXI в. (д. Кузубаево Алнашского района Удмуртии, несколько деревень Слободского района Кировской области).

По мнению ученых, «культ воршуда представляет значительный научный интерес не только для собственно удмуртов и сопредельных финно- и иноязычных этносов, но и вообще при реконструкции и сравнительно-историческом анализе типологии древних религиозно-мифологических систем с точки зрения их генезиса, исторической динамики и сравнительно недавнего функционирования» (Владыкин 1994 : 274).

Автору статьи в ежегодных экспедициях ко всем этнолингвистическим группам удмуртов, вплоть до проживающих в Сибири, а также в архивах и в трудах своих многочисленных предшественников удалось выявить воршудно-родовой состав более тысячи удмуртских населенных пунктов Удмуртии, Татарии, Башкирии, Марий Эл, Кировской, Пермской, Томской областей, Красноярского края, записать обряды и обычаи, связанные с культом *воршуда* и *мудора*.¹ Мне удалось раскрыть этимологии более половины древнейшего пласта удмуртской лексики — воршудно-родовых названий, ибо как раз они служили для многих исследователей камнем преткновения при выяснении их происхождения (Атаманов 1977). Известный специалист по этнографии восточных финно-угров И. Н. Смирнов писал: «Каковы бы ни были по своему значению все рассматриваемые имена, они имеют одну общую черту — они не объяснимы из вотского языка и должны быть отнесены к категории заимствованных и, вероятнее всего, у чуди» (Смирнов 1890 : 57).

Забегая вперед, укажем, что в результате многолетнего, тщательного изучения диалектной и исторической лексики удмуртского, шире — пермских и других финно-угорских языков, выяснилось: в основе воршудных имен лежат названия птиц, зверей, рыб, насекомых — предполагаемых тотемов рода, причем среди них нет заимствованных терминов, нет названий окультуренных, т. е. домашних животных и птиц, что еще раз свидетельствует об их древности, о том, в какую эпоху и в каких условиях возникли воршуды удмуртов. Все зоонимы, легшие в основу воршудных имен, восходят к прапермскому, прафинно-угорскому, прауральскому фундаментам.

Не случайно так долго и трудно разыскивался ключ к выяснению происхождения воршудных имен. К сожалению, даже к нашему времени из 70 удмуртских микроэтнонимов удалось выяснить этимологию лишь половины, что еще раз свидетельствует о древности их происхождения. Отмечаем, что в названиях, связанных с культом воршуда,

¹ *мудор* '1. икона, образ; 2. алтарь воршуда'.

нет заимствований: все 70 названий воршудов имеют прапермское, прафинно-угорское, прауральское происхождение.

В основе нескольких микроэтнонимов лежат термины родства по женской линии, восходящие к прафинно-угорскому и уральскому фондам: *мõнь* 'сноха; невеста' > *Мõнья*; *ныл* 'девочка; девушка' > *Нылга*; *уззы* 'младшая сестра мужа' > *Узя*.

В этногенезе удмуртов участвовали родоплеменные группы родственных финно-угорских народов, таковы воршуды *Пурга* (**порга*), *Эгра* (**йэгра*), *Можга* (**мос'ка*), *Чудья* (> *Чудья* ~ *Чучча* ~ *Шудья* ~ *Шуэза*), *Чудна*.

До меня уже высказывалось мнение о том, что в основе удмуртских воршудов могут лежать названия тотемов рода, при этом приводились два-три убедительных примера (Косвен 1931; Худяков 1936; Зеленин 1980 (1948); Владыкин 1994 и др.). Но именно мне впервые удалось раскрыть основу этимологической структуры большинства «загадочных воршудных имен»: в их основе лежат названия зверей, птиц, насекомых, рыб — предполагаемых тотемов рода, например: *биё* 'улитка': *Бия*; *дукъя* 'глухарь': *Дõкъя* ~ *Дыкъя*; *дургали*, *дурга-дарга* 'майский жук': *Дурга*; *заны* 'водяной паук': *Занка*; *коньы* 'белка': *Коньга*; *кибы* 'мелкое насекомое; букашка': *Кибья*; *юмы* 'овод, паут': *Юмья* ~ *Зумья*; *зоз*, диал. *зэзы* 'кузнечик': *Зезья*; *лузь* 'овод, слепень': *Лõзя* ~ *Лызя*; *какся* 'цапля': *Какся*; *куака* 'ворона': *Куака*; *пальяка* 'перепел; перепелка': *Пальяка*; *сян* 'норка', коми *сан* 'росомаха': *Сянья* ~ *Санья* ~ *Чанья*; *сёр* 'куница': *Сюра* ~ *Чура*; *тур* 'тетерев' или *тури* 'журавль': *Турья*; *уля* 'пескарь': *Уля*; *чипы* 'цыпленок; птенчик': *Чипья*; *юбер* южн. 'дрозд', сев. 'скворец': *Юбера*; *юсь* 'лебедь': *Юсь* ~ *Юська*; коми *йõра* 'лось' (собственно удмуртского названия не сохранилось, употребляется рус. *лось* или тюрк. *койык*): *Юра* и др.

О давности возникновения культа воршуда и всего, что с ним связано, говорят и следующие факты.

1) Названия населенных пунктов, образованные от воршудных имен, в местных падежах сохраняют древний *l*-овый суффикс:

Падеж	отворшудный ойконим	отпатронимические и прочие ойконимы
Инессив	<i>Омга-ла-н; Уча-ла-н</i>	<i>Усо-ы-н; Макан-ы-н</i>
Элатив	<i>Омга-ла-сь; Уча-ла-сь</i>	<i>Усо-ы-сь; Макан-ы-сь</i>
Иллатив	<i>Омга-ла; Уча-ла</i>	<i>Усо-е; Макан-э</i>
Эгрессив	<i>Омга-ла-сен; Уча-ла-сен</i>	<i>Усо-ы-сен; Макан-ы-сен</i>

«В прибалтийско-финских, как и в некоторых других финно-угорских языках, есть имена с *l*-овым суффиксом, которые обозначают коллектив, все его достояние, хозяйственное и прочее, его место, территорию. Пример: фин. *Väinölä* 'род Вяино', все его достояние и его место, территория» (Бубрих 1975 : 71).

2) Один из тонких знатоков воршудно-родовой организации удмуртов Н. Г. Первухин отметил: «Воршуд значит также: изображение родового божества, идол, а иногда, может быть, и символический знак рода» (1888 : 19—22). Еще в середине XIX в. во всех частях современной Удмуртии миссионеры выявляли и уничтожали множество идолов,

стоящих в святилищах — *куала*. Они были сделаны из дерева, серебра, меди, глины в виде антропоморфных существ, некоторые воршуды изображались в виде фигур животных и птиц. Этнограф С. К. Кузнецов в 1881 г. в родовом святилище д. Мултан нашел изображение деревянного гуся с железным клювом и железными лапами (Кузнецов 1907 : 45). Самое последнее сообщение об удмуртском идоле получено в д. Удмуртский Сарамак Кизнерского района: еще в 1930 г. в куале Эшмановых стоял почерневший деревянный идол высотой около 40—50 см, шириной 15—20 см.

Почти полную аналогию удмуртскому семейно-родовому святилищу (*куала*) с его культовыми атрибутами и божками-идолами находим у близкородственного народа коми, описанного в «Житии Стефана Пермского»: боги пермские «суть болваны истуканья, изваянья, издолбленья, вырезом вырезаемья» (Лашук 1972 : 35).

Следы воршудных изображений удмуртов ведут нас к т. н. пермскому звериному стилю — своеобразному искусству металлической пластики племен Приуралья I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. В металлическом литье Приуралья преобладали изображения местной фауны: лось, медведь, рысь, куница, выдра, бобр, орел, ястреб, сова, лебедь, утка, разные виды рыб и насекомых (Грибова 1975 : 114). В основе этимологии воршудных имен удмуртов лежат названия тех же видов животных, птиц, зверей, рыб, насекомых. Истоки этого стиля находят параллели в более отдаленных памятниках Приуралья, где шло формирование финно-пермской языковой группы.

Некоторые исследователи слишком широко трактуют названия воршудов. Так, С. К. Бушмакин совершенно произвольно включает в список воршудных имен названия деревень, рек, патронимов со словообразовательным формантом *-а, -йа, -га(-ка), -ча, -ра*, например: *Итча, Уня, Юнда, Лудза, Инга, Люга (Юга), Сыга, Сюга, Туга*; с прочими формантами: *Жеги, Жиги, Жужги, Зилай, Ожги, Сибы, Сурзи, Чумой, Варзи* и др. (Бушмакин 1969 : 166—176). Та же оплошность присутствует и в рукописных трудах краеведа П. М. Сорокина, например, в список воршудных имен он включил и названия деревень *Якшур, Шурма*, а этимологии удмуртских микроэтнонимов получены по внешнему созвучию с каким-нибудь нарицательным словом: *Бодья* от *бадь* 'ива'; *Норья* от *ныр* 'нос', *Шудзя* от *шуд* 'счастье' и др. (Сорокин 1895 : 8—9). Кстати, В. С. Чураков многие этимологии просто заимствовал у П. М. Сорокина и неслучайно считает, что «ближе всех к верному решению проблемы подошел уже упомянутый П. М. Сорокин» (Чураков 2005 : 50).

По В. С. Чуракову, «проблема удмуртских родовых названий теснейшим образом связана с выявлением имени родоначальника и выявлением его семантики; предложенный подход к анализу удмуртских родовых имен в целом вряд ли вызовет существенные нарекания и поможет в дальнейшем выяснить происхождение других родовых имен» (Чураков 2005 : 52). Данное положение как раз и вызывает возражение, ибо автор не видит разницы между воршудно-родовыми и патриархально-родовыми объединениями удмуртов.

Еще в XIX в., когда культ воршуда существовал в той или иной полноте у всех групп удмуртов, собирался богатый «живой» полевой

материал во многих удмуртских регионах, наши предшественники не путали эти интереснейшие явления в жизни удмуртского общества, они имели четкое представление о воршудных и патронимических объединениях.

Следует заметить, что патронимические образования в отличие от воршудных объединений в среде удмуртов не имеют единой терминологии. Так, в среде южных, отчасти центральных групп они именуются *бӧляк*, *иськавын* или *иськавын-бӧляк*, в среде северных удмуртов — *улы*, *бече*, *иськан*, *бускель*, в среде закамских (приуральских) групп — *зат*, *насьль* или *насьль-насап*. Все эти термины заимствованы из тюркских языков. Значительная часть древней лексики, связанной с патриархально-родовым бытом удмуртского общества, пришла из болгарского (древнечувашского) и кипчакского (татарско-башкирского) языковых миров. Подчеркнем, что в названиях, связанных с культом воршуда, нет таких заимствований.

Следует запомнить, что удмуртские патронимические группы возникли внутри воршудных объединений в эпоху развитого патриархата, а воршудная организация достигла своего расцвета в эпоху матриархата. Не случайно в исторически обозримое время почти у всех групп удмуртов фиксируется уникальная в своем роде традиция называть замужнюю женщину по названию воршуда. На свадьбе при одевании невесты в одежду замужней женщины или при ее обливании у реки или родника водой спрашивали название ее воршуда. Муж, все его родственники и односельчане с этого дня ее личное, девичье имя никогда более не произносили, обращались только по воршудному имени. Даже среди сибирских первопоселенцев эта традиция сохранялась еще в 10—20-х годах XX в.; в моей экспедиционной тетради есть такие записи: «У Тарас Васи (д. Тига I, Чаинский район Томской области, запись 1974 г.) жену звали *Зумья*, до сих пор не знаю, какое ее настоящее девичье имя было»; «Мой дед бабушку звал *Чола*, она была родом из д. Тюар Шарканской волости Сарапульского уезда». Таких примеров очень много. Еще в 80-е годы XX века, будучи в экспедиции на севере Удмуртии, в Кезском районе, я слышал, как женщины высказывали обиду, что до сих пор их именуют по воршудному имени — *Вортча*, *Пельга*, *Пурга* и т.д. или по названию родовой деревни — *Пажман*, *Замаш*, *Стеньгурт* и т. д.

Известный этнограф П. М. Богаевский оставил по этому случаю такую запись: «Некоторые имена объясняются народом как названия давно забытых богинь-женщин, таковы *Норья*, *Турья*. Богини эти, говорят вотяки, были чрезвычайно богаты и сильны, поэтому род, носивший их имя, отличался силою и могуществом» (Богаевский 1888 : 44).

Есть упоминания, что в родовых святилищах, построенных в честь воршуда на почетном месте, нередко рядом с идолом (которого, кстати тоже называли *воршуд*), ставился головной убор замужней женщины — *айшон*. К воршуду нередко обращались словом *мумы* 'мать; мама': *Дурга-мумы*, *Уля-мумы*, *Удья-мумы* и т. д.

М. О. Косвен, анализируя и «историзируя» наличный материал, нашел отчетливые следы материнского рода, отметил, что «среди этого народа женщина с изумительной стойкостью сумела сохранить, в известной мере, свое равноправие и независимое положение в

различных областях жизни и быта». Процесс разрушения родового строя и нарастания капиталистических отношений шел у удмуртов, сопровождаясь цепким переживанием родовых отношений и родового права. Особенно сильными оказались религиозные пережитки (Косвен 1931 : 5—35).

В ходе тысячелетнего исторического развития одни воршудно-родовые объединения размножились до многих десятков селений, создавали целые родовые гнезда — *выл* (особенно в среде южных удмуртов и калмезов) и селились в сотнях и тысячах километрах друг от друга по всем удмуртским регионам. Так, следы членов воршуда *Пурга* выявлены в 176 населенных пунктах Удмуртии и за ее пределами, членов воршуда *Чабья* — в 91 населенном пункте, членов воршуда *Зумья* — в 86 населенных пунктах, членов воршуда *Вортча* — в 77 населенных пунктах, членов воршуда *Чудьза* — в 76 населенных пунктах и т. д. В то же время такие воршудно-родовые группы, как *Нылга*, *Сема*, *Урга*, *Чага*, *Юра*, к началу фиксации воршудных имен растворились в крупных воршудных группах, их следы сохранились только в топонимии.

Внутри каждого воршудного объединения образовались десятки и сотни патронимических групп — *иськавын*, *бöляк*, *бече*, *улы*, *насьль* и т. д. Так, в д. Старая Игра Граховского района, основанной в середине XVII в. воршудом Эгра, живут патронимические объединения *Опоня-иськавын* (Атамановы), *Сагам-иськавын* (Крестьяниновы), *Кормила-иськавын* (Антроповы), *Салькай-иськавын* (Сапожниковы) и т. д. Каждый *иськавын* помимо общеродового святилища — *быдзым куала* — имел семейно-родовое святилище — *покчи куала*; на общедеревенском кладбище каждый *иськавын* имел определенное место для захоронений; все важные события в семье отмечались с приглашением всех старших членов патронимии — строительство дома или хозяйственных помещений, свадьбы, похороны, проводы в армию, любые праздники и т. д. Члены *иськавына* жили как одна большая семья, все радости и невзгоды делились поровну. Недаром удмуртская пословица гласит: *Иськавын-бöляктэк улыны уг луы* 'Невозможно жить без родственников из родной патронимии'.

Но следы воршуда Эгра выявлены в 56 населенных пунктах Удмуртии, Башкирии, Татарии, Пермской области, Красноярского края. В таком случае, о каких патронимических связях может идти речь, скажем, между удмуртами д. Алганча-Эгра Малопургинского района Удмуртии, д. Няняды Янаульского района Башкирии, д. Покровский-Урустамак Бавлинского района Татарии? Давным-давно жители этих селений потеряли между собою всякие связи, в каждом из них образовались свои патронимические объединения, включающие в себя не более 15—20 дворов; во главе каждой семьи стоит старший мужчина или его сын — *кузё*, а внутри патронимии негласно во главе стоял всеми уважаемый пожилой мужчина. К нему за советом обращались главы семейств.

Разросшиеся патронимические группы легко разъединялись, образовывали новый *иськавын* (*бöляк*). Так, в той же Старой Игре одна из разросшихся патронимических групп в середине XIX в. разделилась на два *иськавына*: *Опоня-иськавын* (Атамановы) и *Сагам-иськавын*

(Крестьяниновы). Формальным поводом послужило уличение в любовных связях девушки и парня из одной патронимии, хотя кровного смешения до 5-го или 6-го поколения в данном случае и не было.

В. С. Чуракову следовало бы глубже изучить внутреннюю, родовую структуру удмуртского общества, во всяком случае в исторически достигаемое время — XVIII—XIX вв., непременно выезжая в экспедиции и работая в архивах. Тогда он убедился бы, что у удмуртов в недавнем прошлом внутри древнейших по происхождению воршудно-родовых объединений существовали такие патронимические группы, как *ись-кавын*, *ббляк* у южных удмуртов, *улы*, *бече*, *пиос* у северных или *на-сйль-насап* у закамских. В. С. Чураков же пытается этимологизировать название воршуда как патронима.

Нет сомнений, что как и у других народов мира, в основе удмуртского патронима лежит имя главы рода — *кузё*. Среди этих имен есть заимствованные антропонимы иранского, угорского, но особенно много тюркского (включая арабские, персидские имена, проникшие с исламом в конце I тыс. н. э. в Поволжье) и русского происхождения. Есть собственно удмуртские имена и даже связанные с названиями птиц, зверей, рыб, растений: *Пужей* (олень), *Койык* (лось), *Коньы* (белка), *Гондыр* (медведь), *Чипей* (щука), *Тыпы* (дуб) и др. Традиция присвоения подобных имен связана с индивидуальным тотемизмом (Атаманов 1982 : 91—105; 1983; 1999; 2001 : 24). У удмуртов записаны и до сих пор еще встречаются родовые группы *Сёр-выжы* (род Куницы), *Чипей-выжы* (род Шуки), *Гондыр-выжы* (род Медведя) и др., а это уже патронимы, но не воршудные названия.

Воршудные имена, в отличие от патронимов, оформлены специфичными аффиксами *-йа*: *Апъя*, *Салья*, *Пышъя* и др., *-га* (*-ка*): *Можга*, *Пельга*, *Кбпка* и др., а также *-ра*: *Бигра*, *Юра*, *Сюра* и др., *-ча*: *Вортча*, *Затча*, *Чунча*; *-ма*: *Болма*, *Лекма*, *Сема*, *-йэс*: *Имъес* и др. Следует отметить, что теми же самыми аффиксами были оформлены родовые и племенные названия других финно-угорских народов, например: *Меря*, *Вадья*, *Весья*, *Мурома*, *Тойма*, *Мещера*, *Вишера*, *Печера*, *Югра*, *Эрзя*, *Мокша* и др.

Мы не имеем свидетельств об изображении глав патриархально-родовых групп — *кузё* в металлическом литье пермского звериного стиля Приуралья, хотя образами некоторых выдающихся предводителей отдельных патронимий изобилует удмуртский фольклор: *Донды-батыр*, *Идна-батыр*, *Мардан-батыр*, *Янтамыр-батыр*, *Байтуган-батыр*, *Бурсин-батыр* и др.

Поскольку В. С. Чураков не видит разницы между воршудными именами и патронимами, он пытается вывести этимологии древнейших микроэтнонимов (воршудных имен) с помощью мужских антропонимов, считая, что мужское имя *Ворттысь* лежит в основе родового имени *Вортча*; *Ббдь-и* > *Ббдя*; *Ббнь-и* > *Ббня*; *Кёт-эй (-ь)* > *Котья*; *Омиг* > *Омга*; *Пуппы* > *Пупья*; *Сурым* > *Сурма*; *Сьблыт* > *Сьблта*; *Тукулы* ~ *Тукул-эй (-ь)* > *Тукля*; *Уд-ь* > *Удя*; *Утись* > *Уча*; *Эгыр* > *Эгра*; *Юмы* ~ *Юм-эй* > *Юмья* и др. Однако таких антропонимов не существовало у удмуртов. В самом полном антропонимическом словаре удмуртов (см. Атаманов 1999), куда вошло более 6000 личных имен всех групп удмуртов начиная с XVI в., они не зафиксированы.

Из 70 удмуртских воршудно-родовых имен В. С. Чураков приводит только 39, причем *Булда*, *Сурма* следует исключить — таких воршудов у удмуртов нет.

Много замечаний вызывают предложенные В. С. Чураковым этимологии. Часто они связаны лишь с внешним созвучием слов. Примеры: воршудно-родовое имя *Бөдья* он выводит из узкодиал. *бөдьыны* 'говорить, пустословить, болтать' + суф. *-а*; *Вамъя*: *вамен* 'поперечный; поперек' или *ваменэс* 'упрямый'; *Дурга*: *дурыны* 'ковать' + рус. суф. *-ка*; *Зезья*: *зезей* 'малютка' (но в удмуртском языке такого слова нет) + суф. *-а*; *Көтья*: *көт* 'живот; толстяк' + суф. *-а*; *Кушья*: 1) староудм. **kiš* 'голый, обнаженный'; 2) тюрк. *хуш* 'приятный, хороший' + суф. *-а*; *Пельга*: 1) *пелляны* 'дуть, нашептывать'; 2) *пель* 'ухо'; *Пурга* из комиП *порйотны* 'поздравить' + суф. *-а*; *Тукля* из тюрк. *тук* 'сытый, упитанный' + суф. *-а* и др. Что может быть общего между коми-пермяцким словом *порйотны* 'поздравить' и удмуртским воршудно-родовым именем *Пурга*, между удмуртской лексемой *утыны* 'хранить; защищать' и воршудным именем *Уча*, *ворттыны* 'возить' и воршудным именем *Вортча*?

В качестве примера приведем этимологию воршудно-родового имени *Алья*, носители которого живут в 15 селениях северных и центральных групп удмуртов: «АПЪЯ < м.а. *Апый* (< тюрк. м.а. *Апый*) + суф. *-а*, например, у казанских татар отмечено имя *Апый*, являющееся аллафоном араб м. а. *Абдурахман* 'раб Милостивого (Аллаха)» (Чураков 2005 : 53). Следовало бы обратить внимание на зооним, близкий к сохранившемуся в прибалтийско-финских языках слову *atpīa* 'шмель; оса': *ф.-у. *-tr-* в удмуртском, коми, венгерском языках перешло в *-b-*, — отсюда фонетический вариант данного воршудного имени *Абья*, см. коми этнопоним: *Абьячой* (рус. Обьячево — районный центр на юге Коми Республики), где *чой* 'гора, пригорок'.

Нельзя принять рассуждения В. С. Чуракова о происхождении слова *воршуд* (< *vordemšud*) 'пестованное счастье', которым якобы обозначался дух предка-покровителя патрилинейного рода *выжы*, восстанавливаемая праформа **vordemšud* не учитывает диалектные варианты данного теонима ~ микроэтнонима, ср. *вошуд* — у южных удмуртов; *вожшуд* — у крайне северо-западной группы северных удмуртов-ватка (Слободской район Кировской области) и у крайне юго-западной, арской группы удмуртов (Кукморский, Балтасинский районы Татарстана, Мари-Турекский район Марий Эл), *воршуд* — у других групп удмуртов. Где здесь основа микроэтнонима-теонима — *во-, вож-, вор-? На данном этапе можно сказать, что этимология этого древнейшего, сакрального термина — *воршуд* ~ *вожшуд* ~ *вошуд* — не выяснена, требуются дальнейшие изыскания.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- А т а м а н о в М. Г. 1977, Этимологии некоторых воршудно-родовых имен удмуртов. — СФУ XIII, 25—30.
— 1982, Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов. — Материалы по этногенезу удмуртов, Ижевск, 81—127.
— 1983, Изображения удмуртских воршудов. — Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху, Ижевск, 111—115.

- 1999, Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов, Ижевск.
— 2001, По следам удмуртских воршудов, Ижевск.
- Б о г а е в с к и й П. М. 1888, Очерк быта сарапульских вотяков. — Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее, вып. 3, Москва, 14—64.
- Б у б р и х Д. В. 1975, Происхождение именного словоизменения в финно-угорских языках. — Г. М. К е р т, Д. В. Бубрих, Ленинград, 61—102.
- Б у ш м а к и н С. К. 1969, Воршудные имена и удмуртская топонимия. — Ономастика Поволжья, Ульяновск, 166—176.
- В л а д ы к и н В. Е. 1976, Семейно-родовые культы в дохристианском религиозном комплексе удмуртов. — Вопросы этнографии Удмуртии, Ижевск, 49—67.
— 1994, Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов, Ижевск.
- Г р и б о в а Л. С. 1975, Пермский звериный стиль, Москва.
- Е м е л ь я н о в А. И. 1921, Курс по этнографии вотяков, Казань.
- З е л е н и н Д. К. 1980, Что такое «воршуд»? — Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии, Ижевск, 118—132.
- К о с в е н М. О. 1931, Распад родового строя у удмуртов. — На удмуртские темы, вып. 11, Москва, 5—35.
- К у з н е ц о в С. К. 1904, Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии. — Этнографическое обозрение, № 4, Москва, 24—49.
- Л а ш у к Л. П. 1972, Формирование народности коми, Москва.
- П е р в у х и н Н. Г. 1888, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда, Вятка.
- С м и р н о в И. Н. 1890, Вотяки, Казань (Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. VIII, вып. II).
- С о р о к и н П. М. 1895, О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков (рукопись). — Государственный архив Кировской области, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 127.
- Х у д ь к о в М. Г. 1920, Вотские родовые деления. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXX, вып. 3, Казань, 339—356; т. XXXI, вып. 1, Казань, 1—18.
- Ч у р а к о в В. С. 2005, Происхождение названий удмуртских родов. — LU XLI, 43—57.

M. G. ATAMANOV (Iževsk)

ONCE MORE ABOUT THE ORIGIN OF UDMURT *voršud*

Not long ago there were preserved traces of 70 *voršud*-tribal groups originated in the epoch of matriarchy. The names of birds, animals, insects and fish that are supposed to be tribal totems are the basis of *voršud* names.

Tribal gods — *voršud* — were depicted as zoo- and anthropomorphic idols placed in family and tribal sanctuaries called *куала*. Udmurt young girls after they get married usually start bearing the name of the *voršud* father instead of their personal name. In ancient times they used to bear the name of the *voršud* mother. During the prayer people applied to the tribal god using the word *мумы* 'mother'. During the patriarchal-tribal system patronymic groups such as *иськавын*, *ббляк*, *улы*, *бече*, *насьль*, *зат* were formed within the *voršud*-tribal unities.